

**Н. В. ГОГОЛЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ:
ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ**

И. С. Соболевская

Российская академия государственной службы при Президенте РФ

Поступила в редакцию 5 ноября 2008 г.

Аннотация: *предпринята попытка проследить историю переводов произведений Н. В. Гоголя на французский язык. Автор рассматривает переводы в контексте русско-французского культурного диалога, выделяя основные этапы их появления и выбираемые переводчиками стратегии.*
Ключевые слова: *межкультурный диалог, перевод, переводческая стратегия.*

Abstract: *the article is an attempt to trace the history of Gogol's works translations into French. The author examines the translations in the context of Russian-French cultural interaction, paying considerable attention to stages of their appearance and translators' strategies.*

Key words: *cross-cultural interaction, translation, translation strategy.*

В 2009 г. отмечается 200-летний юбилей великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. Его творчество по-прежнему вызывает большой резонанс в литературных кругах и у читателей как в нашей стране, так и за рубежом.

Особого внимания заслуживает тема Н. В. Гоголя в контексте русско-французского культурного диалога, литературно-философские основы которого заложены Вольтером, А. С. Пушкиным, Н. М. Карамзиным и получили развитие благодаря усилиям таких писателей, как де Сталь, П. Мериме, А. Дюма, И. С. Тургенев [1].

С самого начала русско-французский диалог развивался в форме «цивилизованный Запад и экзотический Восток» и звучал как оппозиция «французского ума и загадочной русской души» [1, с. 235]. В силу ряда причин культурные контакты России и Франции имели (и продолжают до сих пор сохранять) асимметричный характер, который, применительно к интересующей нас проблематике, тонко подметили известные болгарские переводоведы С. Влахов и С. Флорин: «...русский знает Гарпагона, а для подавляющего большинства французов Плюшкин — пустой звук» [2, с. 211].

Значительный вклад в становление диалога русской и французской культур внесли переводы на французский язык произведений Н. В. Гоголя. Анализ их истории представляет собой интересную и весьма актуальную задачу, тем более что до настоящего времени мы не располагаем точными данными культурологического характера о количестве переводов, о реальных тиражах изданий и переизданий русских классиков в различных регионах мира, об экранизациях и инсценировках «по мотивам» русских классиков за рубежом [3, с. 205].

В данной статье делается попытка проследить историю переводов произведений Н. В. Гоголя на французский язык в контексте межкультурного диалога двух стран.

Одним из первых активных участников этого диалога стал французский путешественник, славист и переводчик, член Французской академии Ксавье Мармье. Знаток России и русского языка, он в 1843 г. опубликовал в журнале «Revue de Paris» статью под названием «Du mouvement littéraire en Russie» («О литературном движении в России»). В ней автор говорит об оглушительном успехе комедии «Ревизор», которую называет «резкой пьесой, полной правды и искрящейся остроумием» [4, с. 19].

Об успехе «Ревизора» и «Мертвых душ» упоминает в одной из своих статей французский журналист Сент Жюльен, подчеркивая, что Гоголь «возглавляет сатирическую тенденцию русской литературы» [3, с. 201].

Первые переводы произведений Н. В. Гоголя появились во Франции в середине XIX в. Среди тех, кто познакомил французского читателя с творчеством Н. В. Гоголя, был один из передовых деятелей французской журналистики, редактор прогрессивного журнала «Независимое обозрение» Л. Виардо. Летом 1845 г. в Париже вышел сборник под названием «Русские повести» («Les Nouvelles Russes»), в которые вошли «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий» [5, с. 182]. Луи Виардо не владел русским языком, в чем он честно признавался в предисловии к сборнику рассказов, и осуществил перевод с помощью двух молодых русских, одним из которых был И. С. Тургенев, другим — С. А. Геденов.

По этому поводу некоторые критики писали, что во Франции переводят с русского языка, не зная его, и поэтому переводчики «опускают и

добавляют кое-что по собственному желанию» [4, с. 22]. Однако для диалога «Восток — Запад» перевод Л. Виардо имел большое значение: с ним познакомился Ч. Диккенс, что и послужило началом открытия Н. В. Гоголя странами Западной Европы.

В целом перевод Виардо был положительно встречен французской критикой. В журнале «Illustration» за 1845 г. указывалось, что Н. В. Гоголь (наряду с А. С. Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым) принадлежит к оригинальнейшим русским писателям. С этой поры имя Н. В. Гоголя становится широко известным в прогрессивной французской журналистике. «Независимое обозрение» («Revue Indépendante»), которое издавали Ж. Санд, Л. Виардо и П. Леру, в 1847 г. высоко оценило значение сатиры Гоголя. На страницах этого издания «Ревизор» был назван «самым высоким драматическим созданием, какое когда-либо являлось в русской литературе» [3, с. 205].

С энтузиазмом встретил этот перевод Сент-Бев, литературно-критический авторитет которого был очень высок в Европе. В журнале «Revue de deux mondes» за декабрь 1845 г. он публикует хвалебный отзыв на перевод «Русских повестей» Гоголя, выполненных Л. Виардо [5, с. 511]. «В целом, судя по переводу месье Виардо, творчество Гоголя заслуживает того, чтобы стать известным во Франции. Гоголь — истинно талантливый человек, прозорливый и беспристрастный исследователь человеческой природы» [4, с. 41].

Отмечая разнообразие жанров, к которым принадлежат пять новелл, французский критик находит сходство между Н. В. Гоголем и великим английским драматургом У. Шекспиром. «Должно быть, месье Гоголь много читал Шекспира», — заключает он [4, с. 42].

С большим восторгом говорил Сент-Бев о повести «Тарас Бульба». Он считал ее самым значительным и самым интересным произведением, говорил о том, что «оно было по духу ближе всего современному французскому читателю» [4, с. 42].

В 1847 г. в «Независимом обозрении» («Revue Indépendante») выходит серия статей писателя и журналиста Шарля Эдмонда Хожецкого под названием «Современная филология: сравнительное изучение славянских языков и диалектов» («Philologie moderne: Etude comparée des langues et dialectes slaves») [4, с. 12]. Автор этих статей упоминает имя Гоголя, среди других известных людей России. Он называет Гоголя «русским Диккенсом», который своими великими, блистательными произведениями оказал огромное влияние на культуру своей страны и тут же выска-

зывает сожаление о том, что Гоголь в конце жизни пережил глубокий духовный кризис и в результате «сгорел, как метеор» [там же].

Не обошла вниманием французский перевод Гоголя и русская критика. В статье «Перевод сочинений Гоголя на французский язык» В. Г. Белинский писал: «В Петербурге получен французский перевод пяти повестей Гоголя, изданный в Париже в нынешнем году господином Луи Виардо... Перевод удивительно близок и в то же время свободен, легок, изящен; колорит по возможности сохранен, и оригинальная манера Гоголя, столь знакомая всякому русскому, по крайней мере, не изглажена... Повести Гоголя с честью выдержали перевод на язык народа, столь чуждого нашим коренным национальным обычаям и понятиям, и сохранили свой отпечаток таланта и оригинальности. До сих пор сколько ни переводили на французский язык русских писателей, французы видели в этих переводах не оригинальные создания чуждого им народа, но бледные подражания их же писателям» [6, с. 218].

Однако подобную точку зрения в России разделяли далеко не все. «Я не могу без смеха вспомнить один перевод...», — говорил Ф. М. Достоевский о работе Л. Виардо [7, с. 83]. В очерке «По поводу выставки» он писал: «Я помню, в моей молодости, как ужасно заинтересовало меня известие, что г-н Виардо, француз, не знающий ничего по-русски, переводит нашего Гоголя под руководством г-на Тургенева. И что же? Вышла из этого перевода такая странность, что я, хоть и предчувствовал заранее, что Гоголя нельзя передать по-французски, все-таки никак не ожидал такого исхода. Гоголь исчез буквально. Весь юмор, всё комическое, все отдельные детали и главные моменты развязок, всё это пропало, как не бывало вовсе. Я не понимаю, что могли заключать тогда французы о Гоголе, судя по этому переводу; впрочем, кажется, ничего не заключили» [7, с. 83]. Подытоживая свои рассуждения, писатель делает вывод, что «всё характерное, всё наше национальное по преимуществу (а стало быть, всё истинно художественное) для Европы неузнаваемо...» [там же].

Сам Н. В. Гоголь воспринял известие о распространении своих произведений за границей с величайшим огорчением [3, с. 203]. Он придавал мало значения именно французским оценкам своего творчества, зато внимательно прислушивался к тому, что писали о нем немцы. Известно, что в предисловии к немецкому изданию «Мертвых душ», появившемуся в Лейпциге в 40-х гг. XIX в., переводчик назвал поэму Гоголя «народной русской книгой» [8, с. 240]. В

письме Гоголя Н. М. Языкову от 5 мая 1846 г. из Рима читаем: «Благодарю за выписку предисловия к немецкому переводу «Мертвых душ». Немец судит довольно здраво. Это лучший взгляд, какой может иметь на эти вещи иностранец» [там же]. Как подчеркивал А. Труайя, «меньше всего Гоголю хотелось быть писателем с мировым именем. И больше всего он боялся дать иностранцу неприглядное представление о России» [5, с. 311].

Пик интереса к русскому классическому во Франции приходится на 50-е гг. XIX в. К этому периоду относится перевод «Шинели», выполненный К. Мармье, переиздание рассказов в переводе Л. Виардо, появление французских версий «Ревизора» Э. Моро и «Мертвых душ» Э. Шарьера.

С конца 40-х гг. и на протяжении двух последующих десятилетий XIX в. самым выдающимся пропагандистом русской литературы во Франции был Проспер Мериме. Он считал русский язык «одним из самых богатых языков Европы, способный передать самые тонкие оттенки и соперничать с которым может только язык Рабле» [9, с. 14].

15 ноября 1851 г. журнал «La revue de Deux Mondes» опубликовал статью П. Мериме о Н. В. Гоголе, с которым он вел переписку с помощью одного из своих друзей [10]. В ней французский писатель признает, что «Тарасу Бульбе» и «Запискам сумасшедшего» он предпочитает повесть «Вий». Он также отмечает, что автор «Мертвых душ» достоин «славы лучших английских юмористов». По собственному признанию П. Мериме, он «заинтригован загадочной русской душой...» [9, с. 15]. В связи с этим критик Поль де Сент-Виктор говорил о «литературной эмиграции» Мериме в Россию [11].

В книге о Гоголе П. Мериме призывал к изучению русского языка, сам учил его по популярной в те годы грамматике Ч. Ф. Рейффа и, не скрывая, говорил о сложности перевода русских классиков: «Переводить с русского языка на французский — задача не легкая. Русский язык создан для поэзии, это необыкновенно богатый язык, способный передать самые тонкие оттенки мыслей и чувств» [9, с. 18].

Перевод «Ревизора» осуществлен П. Мериме в 1851 г. Его французское название — «L'inspecteur général» — означает дословно «Главный инспектор». Перевод был выполнен писателем очень быстро, что называется «на одном дыхании», и, видимо, практически им не правился. Кроме того, Мериме не владел русским литературным языком в той мере, которая обеспечила бы ему гармоничное сочетание художественной свободы с точным воспроизведением

текста оригинала [12, с. 39]. Вероятно, поэтому перевод не избежал некоторых пропусков, неточностей и многочисленных ошибок. На это указывает, например, известный французский славист, историк и писатель Луи Леже, возглавлявший кафедру славянских языков и литератур в Коллеж де Франс. В книге «Гоголь», опубликованной в 1914 г., автор говорит о непонимании французским писателем текста произведений русского классика и предлагает критический анализ образцов его «перевода» на французский язык [12, с. 71].

Сделанные французскими писателями переводы и вышедшие к этому времени статьи французских литературных критиков позволили публике открыть для себя русскую литературу. И хотя проникновение русской литературы во Францию осуществлялось преимущественно стараниями одиночек, таких как П. Мериме, К. Мармье, Э. Моро, работы первых переводчиков сыграли существенную роль в развитии франко-русских культурных контактов. Последние испытывали на себе поочередно влияние то русофобии (после поражения России в Крымской войне), то русофании, охватившей французское общество после франко-прусской войны. Несмотря на неблагоприятные общественно-политические тенденции, к концу XIX в. произведения Н. В. Гоголя во Франции перешли в разряд классических и стали регулярно переиздаваться. Показательно в связи с этим высказывание французского дипломата, писателя, литературного критика и члена Французской академии Мельхиора де Вогюэ: «Наш Мериме сравнивал Гоголя с английскими юмористами; но его следует поставить выше, недалеко от бессмертного Сервантеса... Как Сервантес, Гоголь вложил в свои чисто национальные картины столь широкое, столь глубокое знание человека, что эти местные образы заставляют биться сердца повсюду, где только есть люди» [13, с. 369].

С начала XX в. славянская, и в первую очередь русская, культура начинает привлекать к себе пристальное внимание европейских исследователей. В 1919 г. во Франции историком Э. Дени был создан Институт Славяноведения (Institut des Etudes Slaves), а с 1921 г. его специалисты стали издавать научный журнал «Revue des études slaves». Литературно-критические статьи в этом журнале были посвящены творчеству крупнейших русских писателей: Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева и др. В период с 1921 по 2006 г. о Н. В. Гоголе вышло 10 публикаций.

Взросший в начале XX в. интерес к русской литературе объяснялся в значительной мере причинами политического характера, связанными

ми с Октябрьской революцией и возникновением в Париже самой многочисленной колонии русских эмигрантов первой волны. Образовавшаяся «особая прослойка русской интеллигенции, по-разному ощущавшая себя на пересечении двух культур», видела одну из своих задач в том, чтобы познакомить французского читателя с произведениями русской классической литературы и дать Франции возможность «глубже понять русскую ментальность» [1, с. 256].

По-новому подошли к творчеству русского писателя и переводчики. Если П. Мериме ставил перед собой задачу сохранить национальный колорит произведений Н. В. Гоголя и потому использовал стратегию дословного перевода, то авторы новых французских версий стремились передать «дух» гоголевских произведений. Они обратили внимание на созданный писателем особый универсум комического, на гоголевскую атмосферу причудливой виртуальности, «хаоса мнимостей», на мир абсурда как «любимую музу Гоголя» [14, с. 124]. В центре их внимания оказался, естественно, и своеобразный язык писателя.

Из всех произведений русской литературы, пишет Борис Шлецер, именно «Мертвые души» ставят перед переводчиком наиболее трудные проблемы. Язык Гоголя динамичен, пластичен, бесконечно богат. Вместе с тем он изобилует диалектизмами, полонизмами и авторскими неологизмами, а также большим количеством повторов. Язык Гоголя не подчиняется общепринятым правилам, и это нередко ведет к двусмысленности его фразы. Отдельную трудность для перевода составляют имена собственные, которыми автор наделяет своих персонажей и которые отражают суть их характера и поведения. Эти фамилии имеют в русском языке особое звучание и точный смысл, подчеркивал французский переводчик [15, с. 9].

В предисловии к «Мертвым душам» Борис Шлецер признает, что перевод этого произведения может дать только приблизительное представление о поэме, хотя «чичиковы, маниловы, хлестаковы существуют во все времена и во всех странах» [15, с. 10].

О трудностях перевода произведений Гоголя на французский язык говорила также Эльза Триоле в своем примечании к повести «Портрет». Она отмечала, с одной стороны, «длину гоголевской фразы, ее своеобразный ритм, каскад прилагательных с бесконечными повторениями, а с другой — особый романтический дух описываемой им эпохи» [16, с. 366]. С помощью перевода она старалась передать «специфические национальные черты оригинала» [там же].

Другая французская переводчица Жюльета де Дьелеве в предисловии к сборнику рассказов

так объясняет французскому читателю интерес к произведениям Гоголя, в частности, к «Петербургским повестям»: «Чтение этих повестей — приятный способ открыть для себя типично русский мир «среднего чиновника». Эти повести помогают проникнуть в странный, волнующий мир Гоголя» [17, с. 10].

Специалист в области славянских языков, переводчица, исследовательница творчества Гоголя, автор многих предисловий и комментариев к переводам Гоголя на французский язык Клод де Грев защитила в январе 1984 г. докторскую диссертацию на тему «Гоголь в России и Франции». В своей работе она высказала мысль, что у французов возникло впечатление, будто «Гоголь писал на непереводаемом языке», нюансы которого не могут быть переданы иностранному читателю [18, с. 9]. Предметом глубокого изучения К. де Грев стали история издания произведений писателя в подлиннике и во французских переводах, их постановок, а также критических откликов на них. Автор замечает, что по мере исследования гоголевского творчества и его трактовок неразрешимые вопросы только умножились.

Неоценимый вклад в приближение западного читателя к загадочному гению Гоголя внес известный французский писатель, член Французской академии Анри Труайя. По его мнению, слава Н. В. Гоголя вышла далеко за пределы русского культурного пространства. В его книгах каждый раз удается найти новые грани, новое содержание. Гоголь, считает он, быть может, самый оригинальный и самобытный гений из всех, которых когда-либо знало человечество. Но в то же время нет и более загадочной фигуры в русской литературе, чем Гоголь [5, с. 44]. Труайя писал для французов, для западного читателя, но многие из его наблюдений, замечаний, обобщений могут стать откровениями и для русского читателя.

История переводов произведений Н. В. Гоголя на французский язык позволяет выделить в этом процессе несколько специфических особенностей.

Первая, несомненно, связана с «фактором переводчика». Если в 40-х гг. XIX в. произведения Н. В. Гоголя на французский язык переводились французами, не знавшими русского языка (П. Мериме, Э. Моро), то в XX в. переводы осуществлялись французами, владевшими русским языком (Анри Монго, Борисом Шлецером, Гюставом Окутюрье), а впоследствии — писателями русского происхождения — носителями двух языков и культур (Эльза Триоле, Артюром Адамов, Владимир Волков, Марк Семенов, Андре Маркович и др.).

Вторая особенность — эволюция восприятия переводчиками художественно-эстетических за-

дач творчества Н. В. Гоголя. Не случайно среди переводчиков Гоголя мы видим не только писателей, но и исследователей творчества «самого загадочного русского писателя», которого во Франции называют «предвестником Кафки».

Третья особенность истории переводов Н. В. Гоголя — смена переводческой парадигмы, которая проявляется в отказе от верности «букве» подлинника (у Мериме) в пользу «духа» гоголевского текста (у переводчиков XX в.).

В настоящее время во Франции продолжают писать и говорить о Н. В. Гоголе, создавать новые версии переводов его произведений. В последнее десятилетие вышло из печати несколько сборников его произведений в переводе на французский язык. Благодаря южно-французскому издательству «Acte Sud» и переводу известного во Франции любителя русской классики Андре Марковича, имеющего русские и французские корни, широкая публика получила возможность детально ознакомиться с историей создания знаменитого «Ревизора» [19].

Проходивший недавно в Париже международный салон «Эксполанг 2007» завершился вручением премии «Русофония» за лучший литературный перевод с русского языка на французский. Среди отмеченных жюри переводческих работ — новый перевод на французский язык «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, выполненный преподавателем русской литературы университета Париж IV — Сорбонна Анной Кольдефи-Фокар (Anne Coldéfy-Faucard).

Таким образом, интерес к произведениям Н. В. Гоголя во Франции не иссякает. Его творчество органично вписалось в русско-французское литературное пространство, обогащая культурный диалог между двумя странами. Сквозь призму переводов произведений Н. В. Гоголя прослеживается эволюция восприятия французским умом загадочной русской души — от внимания к поверхностной экзотической стороне русской действительности («Вечера на хуторе близ Диканьки») к глубокому столкновению рационального сознания человека с иррациональной действительностью («Ревизор», «Мертвые души»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Забабурова Н. В.* Французский ум и русская душа / Н. В. Забабурова // *Взаимопонимание в диалоге культур : условия успешности* : в 2 ч. /

Российская академия государственной службы при Президенте РФ

Соболевская И. С., преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации isd55@hotmail.com

под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой. — Воронеж, 2004. — Ч. 2.

2. *Влахов С. И.* Непере译димое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М., 2006. — 448 с.

3. *Моисеев П. А.* Особенности перевода произведений русской классики на французский язык на примере произведений Н. В. Гоголя / П. А. Моисеев // *Исследования в области французского языка и французской культуры : новое тысячелетие — новый этап* : сб. науч. тр. — М. ; Пятигорск, 2004.

4. *Nivat G.* Vers la fin du mythe russe. Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours / G. Nivat. — Paris, 1982. — 137 p.

5. *Труайя А.* Николай Гоголь / А. Труайя. — М., 2007. — 640 с.

6. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений : в 9 т. / В. Г. Белинский. — М., 1979. — Т. 5 : Статьи, рецензии и заметки. — 329 с.

7. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : в 15 т. / Ф. М. Достоевский. — Л., 1989—1996.

8. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений : в 6 т. / Н. В. Гоголь. — М., 1949. — Т. 6. — 251 с.

9. *Mérimée P.* Etude de la littérature russe. Nicolas Gogol / P. Mérimée. — Paris, 1932. — 211 p.

10. (www.gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k86921h/f638.table).

11. (www.catalogue.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k202044t).

12. *Виноградов В. В.* Гоголь и натуральная школа. Культурно-просветительское товарищество «Образование» / В. В. Виноградов. — Л., 1925. — 76 с.

13. *Манн Ю. В.* Гоголь. История всемирной литературы / Ю. В. Манн. — М., 1989. — Т. 6.

14. *Набоков В. В.* Лекции по русской литературе / В. В. Набоков ; пер. с англ. ; предисл. Ив. Толстого. — М., 1999. — 440 с. — (Серия «Литературоведение»). — Приложения.

15. *De Schloezer B.* Introduction / B. De Schloezer // *Gogol N. Les Aventures de Tchitchikov ou les Ames Mortes / Traduit du russe par Madeleine Eristov Gengis Khan et Boris de Schloezer.* — Paris, 1966. — 352 p.

16. *Triplet E.* Introduction / E. Triplet // *Gogol N. Les Nouvelles Pétersbourgeoises / Traduit du russe par Gustave Aucouturier, Sylvie Luneau, Arthur Adamov, Elsa Triplet.* — Paris, 1970. — 317 p.

17. *De Dieuleveult J.* Introduction / J. De Dieuleveult // *Gogol N. Nouvelles de Pétersbourg.* — Paris, 1998.

18. *De Grève C.* Introduction / C. De Grève // *Gogol N. Le Révizor.* — Paris, 1998.

19. (www.knigolyub.kz/template_news.php?news_id=561&page_count=14).

Russian Federal Academy of the Civil Service under the President of Russia, Voronezh branch Sobolevskaya I. S., Lecturer, Foreign Languages and Intercultural Communication Department isd55@hotmail.com